

trend
LOVE

Наши химические сердца

Кристал
Сазерленд

Для всех поклонников
Джона Грина
и Рэйнбоу Рауэлл

18+

TrendLove

Кристал Сазерленд
Наши химические сердца

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7 Сое)-44

Сазерленд К.

Наши химические сердца / К. Сазерленд — «Издательство АСТ»,
2016 — (TrendLove)

ISBN 978-5-17-102508-3

Мне всегда казалось, что момент, когда встречаешь любовь всей жизни, должен быть как в кино. Однако когда во второй вторник последнего года обучения Грейс Таун с десятиминутным опозданием вошла в театральную студию миссис Биди, я ничего такого не почувствовал. Не было ни замедленного действия, ни ветра, ни надрывной музыки, и уж точно мое сердце не остановилось. И, может, потому, что она была новенькой или не такой, как все, или одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять: какая-то частичка ее души сломлена, – миссис Биди ничего ей не сказала. Я посмотрел на нее еще два раза, но под конец вовсе забыл о ее существовании. И когда она незаметно вышла, никто уже не обратил на нее внимания. Так что, как видите, эта история не о любви с первого взгляда. Но все же это история любви. Ну или типа того.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7 Сое)-44

ISBN 978-5-17-102508-3

© Сазерленд К., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

1	6
2	7
3	9
4	15
5	18
6	21
7	26
8	36
9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Кристал Сазерленд

Наши химические сердца

© Krystal Sutherland, 2016

© Ю. Змеева, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Моей семье за все и навсегда

1

МНЕ ВСЕГДА КАЗАЛОСЬ, что момент, когда встречаешь любовь всей жизни, должен быть как в кино. Не совсем, конечно, без замедленного действия, развевающихся на ветру волос и надрывной оркестровой музыки. Но чего-то такого я ждал, понимаете? Что сердце остановится на секунду. Душа замрет, и внутренний голос прошепчет: «О черт. Кажется, это она. Наконец, спустя все эти годы, я встретил ее».

Однако когда во второй вторник последнего года обучения Грейс Таун с десятиминутным опозданием вошла в театральную студию миссис Биди, я ничего такого не почувствовал. Грейс была из тех, кто одним своим появлением сразу производит впечатление на всех в любом помещении, куда бы она ни зашла, но не потому, что ее вид заставляет каждого мгновенно и бесповоротно в нее влюбиться, а по причинам совсем другого рода. Роста она была среднего, сложения тоже среднего и выглядела обычно – короче, с такой внешностью она легко бы вписалась в школьную жизнь без драматических осложнений, которые обычно ждут новичков в новой школе.

Но были три вещи, которые сразу бросались в глаза, не оставляя Грейс ни одного шанса спрятаться за своей обыкновенностью:

1. Она с головы до ног была одета во все мужское. Не в девчачьи шмотки под мальчика, не как девчонка-скейтер, не как девчонка-сорванец, а именно в *мужскую* одежду на несколько размеров больше. Джинсы, которые на более рослом парне сидели бы в обтяжку, не падали с нее только благодаря ремню. Хотя стояла только середина сентября, на ней были свитер, клетчатая рубашка и вязаная шапка. На шее висел длинный кожаный шнурок с подвеской-якорем.

2. Вид у нее был нездоровый и невымытый. Серьезно, я видел наркош, которые выглядели лучше, чем она тем утром. (На самом деле вживую я видел не так уж много наркош, но смотрел «Прослушку» и «Во все тяжкие», а это тоже считается.) Непричесанные светлые волосы, дурацкая стрижка, как будто она сама себя подстригла, землистый цвет лица. Уверен, если бы я ее тогда понюхал, от нее бы воняло будь здоров как.

3. Все перечисленное и так уже подпортило ей шансы, но вдобавок Грейс Таун вошла, опираясь на трость.

Вот как это произошло. Такой я увидел ее впервые. Не было ни замедленного действия, ни ветра, ни надрывной музыки, и уж точно мое сердце не остановилось. Она проковыляла в класс, опоздав на десять минут, с таким видом, будто она здесь своя и в нашем классе проучилась всю жизнь. И, может, потому, что она была новенькой, или не такой, как все, или одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять: какая-то частичка ее души сломлена, – миссис Биди ничего ей не сказала. Грейс присела на стул в задних рядах театральной студии с черными стенами, положила трость на колени и до конца урока не произнесла ни слова.

А я посмотрел на нее еще два раза, но под конец вовсе забыл о ее существовании. И когда она незаметно вышла, никто уже не обратил на нее внимания.

Так что, как видите, эта история не о любви с первого взгляда.

Но все же это история любви.

Ну или типа того.

2

ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ выпускного года до внезапного появления Грейс Таун выдалась абсолютно непримечательной (насколько это возможно в нашей школе). На глазах учеников разыгались всего три небольших скандала: первокурсника отстранили от занятий за курение в женском туалете (неужели нельзя придумать более оригинальный повод заслужить отстранение?); кто-то анонимно загрузил на «Ютьюб» съемку мордобоя на школьной парковке (завучи и директор в штаны наделали); наконец, кто-то распустил слух, что Ченс Озенберг и Билли Коста заразили друг друга венерическим заболеванием, подцепив его от одной и той же девчонки, с которой оба занимались незащищенным сексом (ах как бы мне хотелось, чтобы я это придумал, дорогие читатели).

Но в моей жизни, как всегда, не приключилось даже маленького скандальчика. Впрочем, какие могут быть скандалы в жизни долговязого семнадцатилетнего чудака, немного похожего на молодого Киану Ривза? То есть меня *могли бы* взять на роль молодого Ривза в фильм, создатели которого уже потратили весь бюджет на дешевые спецэффекты и кейтеринг. Я не был замешан ни в чем предосудительном, не практиковал даже пассивное курение, и, слава богу, никто еще не предлагал мне снять штаны и тем более заняться сексом без презерватива. Волосы у меня отросли до плеч, и мне нравилось носить папину спортивную куртку из восьмидесятых. Я был одновременно похож на Саммер Глау, если бы та была парнем, и Северуса Снейпа. Представьте последнего без крючковатого носа, но с ямочками на щеках – и вот он, Генри Айзек Пейдж, собственной персоной.

В то время меня не интересовали девчонки (для справки: и парни – тоже). Друзья уже лет пять как переживали череду драматических встреч и расставаний, а я даже толком ни разу не влюбился. Нет, вру, в детском саду была Эбигейл Тернер, которую я поцеловал в щеку, когда она меньше всего этого ожидала, и с тех пор наши отношения резко ухудшились. А в младших классах я мечтал жениться на Софи Чжоу в течение трех лет. Но стоило вступить в пубертат, и во мне словно что-то переключилось: в отличие от большинства ребят из школы, я почему-то не превратился в движимое тестостероном секс-чудище. Пока еще никто не вызывал у меня *те самые* чувства, если понимаете, о чем я.

В общем, я рад был заниматься только уроками и старался получать отметки, которые обеспечили бы мне поступление в полуприличный колледж. Наверное, поэтому я и не вспоминал о Грейс Таун несколько дней после встречи. А может, никогда бы и не вспомнил, если бы не наш учитель английского мистер Алистер Хинк.

Я знал о мистере Хинке все, что обычно знают старшеклассники о своих учителях. Он страдал запущенной перхотью, которая была бы гораздо меньше заметна, если бы он каждый день не носил черные водолазки. Черный цвет оттенял мелкую белую пыль на его плечах, как асфальт – падающие снежинки. Судя по отсутствию кольца на левой руке, он не был женат. Это во многом объясняло перхоть и тот факт, что он был фактически точной копией Кипа, брата Наполеона Динамита из одноименного фильма¹.

Хинк также страстно любил свой предмет, до такой степени, что однажды, когда учитель математики мистер Бэбкок задержал нас на пять минут, тем самым отняв время от урока английского, Хинк вызвал его и прочел лекцию о том, почему математика не важнее гуманитарных предметов. Ученики тайком над ним угорали: и правда, зачем им английский, ведь большинство ждала карьера в инженерии, точных науках или «Макдоналдсе». Но, оглядываясь

¹ «Наполеон Динамит» – культовый низкобюджетный независимый фильм 2004 года про школьного изгоя. Его брат Кип – типичный ботаник с дурацкими усами и в очках, который все время проводит в Интернете.

на то время сейчас, я точно помню и тот день в душном классе, и тот урок, когда я загорелся идеей стать писателем.

У меня всегда хорошо получалось писать и соединять слова в предложения. Кто-то рождается с музыкальным слухом, кто-то – с талантом к рисованию, а кто-то – вроде меня – появляется на свет со встроенным радаром, который сообщает, где нужно поставить запятую. В мире супергероев грамматическая интуиция – не самая крутая способность, но именно она подружила меня с мистером Хинком. Так уж совпало, что он заведовал студенческой газетой, где я добровольно трудился с восьмого класса, надеясь однажды стать ее редактором.

На второй неделе, в середине урока театрального мастерства, у миссис Биди зазвонил телефон.

– Генри, Грейс, после занятий мистер Хинк просит зайти к нему в кабинет, – сообщила Биди после краткого телефонного разговора. (Биди и Хинк дружили, сколько я себя помню. Две родственных души, родившихся на век позже, чем следовало. В наше время тех, кто считает искусство величайшим достижением человечества, принято называть чудиками.)

Я кивнул и нарочно не стал смотреть на Грейс, хотя краем глаза заметил, что та пялится на меня с заднего ряда.

Когда старшеклассников вызывают в кабинет учителя после занятий, обычно предполагается, что случилось что-то плохое, но, как я уже говорил, я никогда не был замешан ни в чем предосудительном (увы). На самом деле я знал, зачем Хинк меня вызвал. То есть надеялся, что знал. Грейс же пришла в Вестланд-Хай всего два дня назад и вряд ли успела бы за это время заразить других учеников трихомонадами или начистить кому-нибудь репу после уроков (хотя у нее была трость, и выглядела она сурово).

Так что для меня оставалось загадкой, зачем мистер Хинк вызвал Грейс. Впрочем, все в этой девушке было загадкой.

3

КОГДА Я ПОДОШЕЛ К КАБИНЕТУ мистера Хинка, Грейс уже ждала снаружи. Она опять была одета во все мужское, правда, шмотки были другие и выглядела она чище и здоровее. Она вымыла голову и причесалась. Это совершенно изменило ее облик, хотя чистые волосы усиливали впечатление, что она сама подстриглась ржавыми садовыми ножницами: они падали на плечи широкими неровными прядями.

Я сел рядом с ней на скамейку и вдруг почувствовал себя жутко неуклюжим. Я забыл, как обычно это делаю, и мне пришлось складывать руки и ноги, как будто я уселся на скамейку первый раз. Принять нормальную позу никак не получалось: пришлось неудобно скрючиться, отчего у меня заболела шея, но шевелиться я не хотел, так как видел краем глаза, что она смотрит на меня.

Грейс сидела, подтянув колени к груди и зажав между ними трость. Она читала книгу с потрепанными страницами цвета пятен на зубах заядлого любителя кофе. Обложку я не видел, но в книге были стихи. Она заметила, что я подглядываю через плечо, но вместо того, чтобы закрыть книгу или отодвинуться, слегка развернула ее ко мне, чтобы я тоже мог читать.

Стихотворение, которое читала Грейс, написал какой-то Пабло Неруда – я о нем никогда не слышал. По-видимому, она читала его не в первый и не во второй раз, так как углы страницы были загнуты, а сам лист – в масляных пятнах и вообще не первой свежести. Стихотворение называлось «Я не люблю тебя», и это меня заинтриговало. Я начал читать, хотя Хинку прежде не удавалось заинтересовать меня поэзией.

Две строчки были выделены маркером.

*Я так тебя люблю, как любят только тьму —
Втайне, меж тенью и душою.*

Тут из кабинета вышел Хинк, и не успел я дочитать, как Грейс захлопнула книгу.

– О, отлично, вижу, вы уже познакомились, – сказал Хинк, увидев нас вместе.

Я быстро встал: оставаться в неудобной позе, в которую я вынужденно себя посадил, больше не представлялось возможным. Грейс сдвинулась на край скамейки и медленно поднялась, распределяя вес между тростью и здоровой ногой. Тут мне впервые стало любопытно, что же с ней случилось. Давно у нее такая нога? Она такая родилась или виной трагическое происшествие в детстве?

– Заходите.

Кабинет Хинка находился в конце коридора, который на исходе восьмидесятых, наверное, считался суперсовременным и стильным. Бледно-розовые стены, флуоресцентные лампы, жалкие искусственные растения в горшках, ни капли не похожие на настоящие, и этот странный линолеум, который, по задумке создателей, должен был быть похож на гранит, но выглядел как пластиковые крошки вперемешку с прозрачным ламинатом. Я шел за Хинком, шагая медленнее обычного, потому что хотел, чтобы Грейс шла рядом. Не потому, что хотел, чтобы она шла *рядом со мной*, ну, вы понимаете, а просто мне казалось, что ей будет приятно и с моей стороны это вежливо – идти с ней в одном темпе, чтобы она успевала. Но хотя я еле тащился, она все равно отставала и ковыляла в двух шагах позади. В конце концов это стало похоже на гонку, только наоборот: кто медленнее. Хинк обогнал нас уже шагов на десять, и тогда я ускорился и оставил ее позади. Наверное, она подумала, что я реальный чудик.

Мы дошли до кабинета Хинка (он был тесный, унылый, залитый каким-то зеленоватым светом и вгонял в такой депресняк, что я бы не удивился, узнав, что по выходным мистер Хинк

ходит в бойцовский клуб). Хинк пригласил нас войти и сесть на два стула у его стола. Мы сели, и я нахмурился, так как все еще не понимал, зачем Хинк позвал Грейс.

– Я позвал вас, как вы, наверное, догадываетесь, потому что вы оба очень хорошо пишете. Пришло время выбирать главных редакторов школьной газеты, и я не могу придумать лучших кан...

– Нет, – отрезала Грейс, и ее голос так поразил меня, что лишь в тот момент до меня дошло, что она заговорила при мне впервые. Он был сильным, чистым, глубоким и никак не вязался с ее хрупкой внешностью тихони.

– Что? – Хинк явно удивился.

– Нет, – повторила Грейс, как будто других объяснений не требовалось.

– Я... я не понимаю, – произнес Хинк и умоляюще взглянул на меня. Я почти слышал его безмолвный крик о помощи, но мог лишь пожать плечами.

– Я не хочу быть редактором. Спасибо, что вспомнили обо мне, правда. Но нет. – Грейс взяла с пола сумку и встала.

– Мисс Таун, Грейс. Мартин специально подошел ко мне перед началом учебного года и попросил взглянуть на твои работы из бывшей школы. Я так понимаю, в этом году ты должна была стать главным редактором школьной газеты Ист-Ривер, если бы не перевелась к нам. Так?

– Я больше не пишу.

– Очень жаль. Ты прекрасно пишешь. У тебя литературный талант от Бога.

– А у вас талант к клише. От Бога.

Хинк так обалдел, что раскрыл рот. Грейс смягчилась.

– Простите. Но моя писанина – это просто слова. Они ничего не значат.

Тут она взглянула на меня, как мне показалось, неодобрительно. Я этого не ждал и не понял, к чему это она. Она набросила на плечи рюкзак и заковыляла к выходу. Мы с Хинком остались сидеть в тишине, пытаюсь понять, что произошло. Секунд через десять до меня дошло, что я зол на нее, и, осознав это, я тоже схватил сумку, быстро встал и пошел к выходу.

– Давайте завтра обсудим, – бросил я Хинку.

Тот, верно, догадался, что я пошел за ней.

– Да-да, конечно. Заходи перед уроками.

Хинк выпроводил меня, и я побежал по коридору. К моему удивлению, Грейс там не оказалось. Когда я открыл последнюю дверь и вышел на улицу, она была уже у забора. Значит, может быстро ходить, когда надо. Я бросился за ней и, оказавшись в пределах слышимости, крикнул:

– Эй!

Она быстро повернулась, смерила меня взглядом, скорчила сердитую мину и пошла дальше.

– Эй. – Я наконец догнал ее и пошел рядом, пытаюсь отдышаться.

– Что тебе? – бросила она, по-прежнему не замедляя шаг.

Ее трость гулко стучала о дорогу. Позади засигналил автомобиль. Грейс красноречиво потрясла тростью и сделала знак, чтобы водитель развернулся. Никогда раньше я не видел, чтобы кто-то разворачивался и уезжал *поджав хвост*, но именно это и произошло.

– Ну... – начал я, но не смог подобрать слова. (Пишу я хорошо, но говорить вслух, произносить звуки, шевелить губами – нет. Это не мое.)

– Что ну?

– Ну... больше я пока ничего не придумал.

– Кажется, ты злишься.

– Злюсь.

– С чего бы?

– С того, что люди годами в лепешку расшибаются, чтобы занять место редактора, а ты приходишь в начале выпускного класса, получаешь его на тарелочке и отказываешься.

– Ты расшибался?

– Не то слово. Да я лет с пятнадцати подмазываюсь к Хинку, притворяясь юным литературным гением, который терзается от непонимания и полностью отождествляет себя с Холденом Колфилдом.

– Что ж, поздравляю. И все равно не понимаю, с чего ты злишься. У газеты обычно один редактор, так ведь? Мое «нет» никак на тебя не влияет.

– Но... не понимаю... почему ты отказалась?

– Потому что не хочу этим заниматься.

– Но...

– И без меня ты сам будешь принимать креативные решения и сделаешь газету такой, какой, наверное, мечтал видеть ее эти два года.

– Ну да, наверное, но...

– Ты в выигрыше, ясно? Можешь не благодарить.

Еще пару минут мы шли в тишине, пока мой гнев совсем не испарился и я уже не мог вспомнить, зачем за ней побежал.

– Ты почему все еще за мной идешь, Генри Пейдж?

Она остановилась посреди дороги, как будто ей было плевать, что в любую минуту из-за угла выскочит машина. И тут я понял, что, хотя нас не знакомили и до сегодняшнего дня мы ни разу не говорили, она знает, как меня зовут.

– Ты знаешь мое имя? – спросил я.

– Да. А ты знаешь мое, так что давай не будем притворяться, что мы не знакомы. Так почему ты все еще здесь?

– Потому что, Грейс Таун, я уже отошел слишком далеко от школы, мой автобус давно уехал, и я думал, как вежливо закончить этот разговор, но ничего не придумал и решил смириться со своей судьбой.

– Которая заключается в?..

– В том, чтобы идти в этом направлении до тех пор, пока родители не объявят меня в розыск, а полиция не обнаружит меня на окраине города и не отвезет домой.

Грейс вздохнула:

– А ты где живешь?

– У Хайгейтского кладбища.

– Ясно. Пойдем до моего дома, и я тебя отвезу.

– О, супер. Спасибо.

– Только пообещай, что не заикнешься больше о месте редактора.

– Конечно. Мой рот на замке. Хочешь упустить такую офигенную возможность – дело твое.

– Вот и отлично.

В нашем сонном пригороде стоял жаркий и влажный день, облака, как крем на торте, густо покрыли небо, трава и деревья по-прежнему лучились яркой зеленью позднего лета. Мы шли рядом по горячему асфальту. Прошло пять минут в неловкой тишине, прежде чем я нашел о чем ее спросить.

– Можно дочитать то стихотворение? – спросил я.

Это был лучший из худших вариантов. (Другие варианты вопросов: «Ты, значит, любишь одеваться как мальчик? Не подумай, я ничего не имею против, просто интересно», или: «А что у тебя с ногой?», или: «На наркоте сидишь, да? Вид у тебя как будто только что из лечебницы».)

– Какое стихотворение?

– Пабло... как его там... «Я не люблю тебя». Кажется, так оно называется.

– А, да.

Грейс остановилась и протянула мне трость. Сняла рюкзак, достала потрепанную книжку и сунула мне. Книжка сразу открылась на стихотворении Пабло Неруды, и я снова убедился, что она перечитывала его много раз. У меня из головы не выходила та строчка о любви к тьме.

*Я так тебя люблю, как любят только тьму —
Втайне, меж тенью и душою.*

– Прекрасное стихотворение, – сказал я Грейс, закрыв книгу и вернув ее. Потому что так и было.

– Правда? – Она взглянула на меня с искренним сомнением, слегка прищурившись.

– А ты так не считаешь?

– Я считаю, так говорят люди, когда читают стихи, которые им непонятны. Мне кажется, это стихотворение грустное, а не прекрасное.

Я не понимал, как такое милое любовное стихотворение может кому-то показаться грустным, но, поскольку моей второй половинкой был ноут, ничего не ответил.

– Вот, держи. – Грейс открыла книгу и вырвала страницу со стихотворением. Я поморщился, как будто ее действия причинили мне физическую боль. – Возьми, если нравится. Мне прекрасные стихи ни к чему.

Я взял листок, сложил его и сунул в карман. Я ужаснулся ее книжному вандализму, но одновременно ощутил восторг, увидев, как легко она отдала мне вещь, которая явно имела для нее ценность. Мне нравятся такие люди. Те, кто без сожаления умеет расставаться с вещами. Как Тайлер Дерден². «Вещи, которыми ты владеешь, в конце концов начинают владеть тобой» и все такое прочее.

Дом Грейс подходил ей на все сто. Заросший сад с разлетающимися семенами сорняков, сто лет не стриженная лужайка. Занавески на окнах задернуты, и сам дом – двухэтажный, из серого кирпича – казалось, приуныл, как будто согнулся под тяжестью этого мира. На дорожке перед ним стояла одинокая машина – маленький белый «хендай» с наклейкой Strokes на заднем стекле.

– Стой здесь, – велела она. – Я возьму ключи.

Я кивнул и остался на лужайке. То, что у нее была машина, показалось мне странным – впрочем, как и все остальное, с ней связанное. Зачем она ходила (точнее, ковыляла) пешком в школу каждый день по пятнадцать минут, если у нее были права и свое транспортное средство? Любой старшеклассник сочтет за счастье смыться в ТЦ или «Макдак» в перемену, лишь бы не торчать за школьным забором, а после уроков не давиться в очереди на автобус, и поехать прямо домой, где ждут еда, плейстейшн и любимые растянутые треники.

– У тебя права есть? – спросила Грейс из-за спины.

Я аж подпрыгнул, так как не слышал, как она вышла из дома. Но она уже стояла на лужайке, а с мизинца свисали ключи. С брелоком Strokes. Я раньше никогда не слушал Strokes, но взял на заметку, что надо хоть погуглить, кто это.

– Э-э-э... да. Пару месяцев назад получил, но у меня нет машины.

– Отлично.

Она бросила мне ключи, зашла с пассажирской стороны и достала телефон. Секунд через двадцать оторвалась от экрана и подняла брови.

– Ну что? Откроешь машину или как?

– Хочешь, чтобы я сел за руль?

² Тайлер Дерден – персонаж романа Чака Паланика «Бойцовский клуб» и снятого по его мотивам одноименного фильма Дэвида Финчера.

– Нет, хочу стоять здесь и ждать изобретения телепорта. Для этого и дала тебе ключи. Да, Генри Пейдж, будь добр, сядь за руль.

– Э-э-э... ладно... наверное. Я, правда, давно не водил, но ладно, поехали.

Я отпер машину, открыл дверь и сел на место водителя. В машине пахло Грейс: мускусный мужской запах мальчика-подростка, который, мягко говоря, сбивал меня с толку. Я завел мотор – кажется, не забыл, как это делается, – и сделал глубокий вдох.

– Постараюсь нас не угробить, – сказал я.

Грейс не ответила, и я посмеялся над собственной шуткой: одно неловкое «ха-ха». А потом дал задний ход.

Моя бабушка выглядела бы круче за рулем, чем я в тот день. Я сгорбился над баранкой, весь вспотел и мог думать только о том, что: а) я веду чужую машину, б) я не водил машину несколько месяцев и в) я сдал экзамен на права лишь потому, что инструктором был мой четвероюродный брат, который в тот день мучился с похмелья, и мне пришлось трижды останавливаться, чтобы его вырвало в канаву.

– У тебя точно есть права? – спросила Грейс, наклонившись к спидометру.

Тот показывал, что я еду на восемь километров медленнее допустимой скорости.

– Эй, я дал экзаменаторам всего две взятки. Я заслужил эти права.

Клянусь, она почти улыбнулась.

– Так ты из Ист-Ривер?

– Ага.

– А зачем перешла в другую школу, последний год ведь?

– Душа тянется к приключениям, – саркастически заметила она.

– О, тогда понятно, чем тебя привлекло наше заведение. У нас что ни день, то сплошное веселье.

– Хинк – отвязный парень. Спорим, он отрывается целыми днями?

– О да. Душа вечеринок.

А потом, слава богу, мы приехали. Я остановился у дома, расслабил руки и только тогда понял, как крепко цеплялся за руль.

– Впервые вижу человека, который так стрессует за рулем. Хочешь, посидим немного, отойдешь? – предложила она.

– Что я могу сказать? У всех свои слабости.

Я думал, она пересядет на место водителя, но она велела мне выключить мотор. Мы вышли, я вернул ей ключи, и она заперла машину, как будто намеревалась зайти ко мне в гости. Я засомневался: пригласить ее в дом или нет? Но тут она повернулась и сказала:

– Ну ладно, пока. Завтра увидимся. А может, и не увидимся. Кто знает, где я буду завтра.

И заковыляла вниз по улице совсем не в ту сторону, откуда мы приехали.

– Там ничего нет, только сточная канава, а через квартал – кладбище.

Мы жили так близко к кладбищу, что в начальных классах мне даже пришлось пару раз сходить к психотерапевту: я вбил себе в голову, что за мной охотится призрак моего прадеда Йоханнеса ван дер Флирта.

Грейс ничего не ответила и не оглянулась. Она лишь подняла руку с тростью, словно хотела сказать: я знаю – и продолжила идти.

Я растерянно смотрел ей вслед, пока она не исчезла за углом.

– Ола, брателло, – проговорила моя сестрица Сэйди, как только я закрыл дверь.

– Черт, Садс, у меня аж сердце екнуло, – выпалил я, схватившись за грудь.

Сэйди была старше меня на двенадцать лет; знаменитый нейробиолог, золотая девочка и паршивая овца нашей семьи, вот так одновременно. Мы были похожи: черные волосы, глаза немного безумные, ямочки на щеках. Но по крутости мне было до нее далеко: Сэйди щеголяла

кольцом в носу, татуированным плечом и затейливыми дредами, оставшимися со времен бурной молодости.

– Тебя два дня не видно, не слышно, чувак. Я уж решила, предки прикончили тебя и закопали в неглубокой могиле, – Сэйди встала в свое оправдание.

Она разводилась с мужем-доктором, который оказался порядочным дерьмом, развод тоже шел достаточно скверно, поэтому примерно девяносто процентов времени она тусовалась в больнице или у нас.

– Не дури, Сэйди, – крикнул с кухни папа.

На нем был обычный домашний прикид: гавайская рубашка, короткие шорты (настолько короткие, насколько можно носить мужчинам, не преступая грань приличий) и черные очки. Три года назад он переместил свою столярную мастерскую на задний двор, и с тех пор его стиль заметно деградировал. Если он был не в пижаме, считай, случилось чудо. Черные волосы мы с Сэйди унаследовали от него. По крайней мере, так мы предполагали. У него была черная щетина на подбородке, но, сколько я себя помнил, он был лысым.

– Мы бы вырыли могилу метра в полтора глубиной. В этом доме никого не надо учить, как избавиться от трупа, – добавил он.

– Тоби и Глория тому свидетели, – буркнула Сэйди, имея в виду инцидент, случившийся за шесть лет до моего рождения.

В нем были замешаны две золотые рыбки и спрей от насекомых. В итоге ее питомцы почили случайной безвременной смертью.

– Двадцать три года, Садс. Рыбки сдохли двадцать три года назад. Смирись уже.

– Я еще отомщу! – яростно провозгласила Сэйди.

В глубине дома заплакал ребенок. Сэйди вздохнула.

– Думала, года через три привыкну, что у меня ребенок, но, черт, все время об этом забываю.

– Я его приведу. – Я бросил рюкзак и пошел в бывшую комнату Сэйди, где обычно спал Райан.

Как и я, Райан появился на свет случайно и стал для всех сюрпризом. Мама с папой планировали только одного ребенка, а через двенадцать лет после Сэйди я их удивил.

– Райан, приятель, все нормально? – Я открыл дверь и обнаружил в комнате своего племянника двух с половиной лет. В выходные с ним сидел дед, то есть папа.

– Генли, – пробормотал тот и протер глазки, – где мама?

– Пойдем, отведу тебя к ней.

– А что за девчонка? – спросила Сэйди, когда мы с Райаном за руку вышли из коридора.

– Какая девчонка?

– С которой ты приехал.

Она взяла Райана на руки, и я заметил на ее лице хитрую улыбочку. Когда ей было лет пятнадцать, я часто видел эту улыбку. Она всегда означала, что Сэйди что-то задумала.

– А, эта... Ее зовут Грейс. Новенькая. Я на автобус опоздал, и она предложила меня подвезти.

– Симпатичная. В своем роде. Похожа на Дженис Джоплин. Лицо человека, обреченного не дожить до двадцати семи. Но милая.

Я пожал плечами и притворился, что не слышал ее.

4

ПРЕПОРУЧИВ РАЙАНА СЭЙДИ, я спустился в подвал. Лет десять назад Сэйди превратила его в свою берлогу и творила там всякие бесчинства, а после ее отъезда в колледж помещение перешло ко мне. Обстановка в нем была, прямо скажем, не роскошная. Больше всего он напоминал бункер, где люди из постапокалиптического общества скрываются от радиоактивных осадков. Вся мебель была из разных гарнитуров, бетонный пол покрыт лоскутами поддельных персидских ковров, в углу стоял холодильник старше моих предков, а на стене висела настоящая лосиная голова, неумело набитая таксидермистом-недоучкой. Никто не знал, откуда она взялась, но я подозревал, что Сэйди где-то ее сперла, а предкам было слишком стыдно в этом признаваться и возвращать ее законным владельцам. Или они были настолько впечатлены ее поступком, что ничего не сделали. А может, и то, и другое.

Двое моих лучших друзей уже были там, впрочем, как и всегда. Они сидели на диване и играли в *Grant Theft Auto V* на моей плейстейшн. Представлю их в порядке появления (то есть по близости рассадки к входу):

- Мюррей Финч, или просто Маз, 17 лет, австралиец. Высокий, загорелый, мускулистый, выющиеся светлые волосы до плеч, редкие мальчишеские усики. Предки Маза эмигрировали в Штаты шесть лет назад, но он до сих пор (нарочно) говорил как Стив Ирвин³ и называл уродливых теток собаками, а футбол – пинг-понгом⁴. Свято верит, что «Крокодил Данди⁵» – лучшее, что случилось с австралийцами за всю историю. Девчонки его обожают.

- Лола Лианг, или просто Ла, 17 лет. Кожа смуглая, глаза темные, волосы темные, стрижка короткая. Живет по соседству, сколько себя помню. Характеризует себя как «тройной вызов политкорректности»: наполовину китайка по отцовской линии, наполовину гаитянка – по материнской и стопроцентная лесбиянка. Всю жизнь ее «случайно» выбирали моделью для любых печатных и информационных материалов школы: ее лицо красуется на обложке нашего ежегодника, на рекламном щите у входа, на сайте школы и даже на закладках, которые бесплатно раздают в библиотеке. А еще она стала первой девчонкой, которую я поцеловал. Это случилось три года назад. Через две недели Ла призналась в своей гомосексуальности и вступила в длительные отношения на расстоянии с Джорджией из соседнего городка. А у нас в городе до сих пор считают, что она стала лесбиянкой из-за того, что я настолько ужасно целуюсь. Я стараюсь не обижаться. Девчонки ее обожают.

Я смотрел на них, стоя на нижней ступеньке и облокотившись о перила.

– Круто, что, хотя меня не было в автобусе, и это, вероятно, могло означать, что я мертв или умираю, вы двое все равно явились ко мне домой, едите мою еду и играете в мою приставку без меня. Отец хоть заметил, что вы пришли одни?

– Давай начистоту. – Ла развернулась и взглянула на меня с улыбкой: – Мы нравимся Джастину больше, чем ты.

– Что за девчонка, чувак? – спросил Мюррей, не отрываясь от экрана, где он давил танком несколько полицейских машин. – Ты на нее слюни пускал, как бешеная собака динго.

– Полегче, кенгурятник. – Я подошел к старому аймаку Сэйди, который, несмотря на преклонный двадцатилетний возраст, все еще с хрипом работал. – Не вижу здесь наивных американских цыпочек, которые тают от твоего акцента.

³ «Охотник на крокодилов», австралийский натуралист, телеведущий, эксперт в области дикой природы Австралии.

⁴ Реальные примеры австралийского сленга.

⁵ *Крокодил Данди* – австралийская комедия 1986 года режиссера Питера Фэймена.

Вообще-то Мюррей умел разговаривать как нормальный человек, но в ходе своего пребывания в Штатах понял, что говор бушмена из австралийской прерии нравится девчонкам, и иногда забывал переключиться.

На рабочем столе аймака была одна-единственная папка, озаглавленная «Их разыскивает полиция / посмертные фото». В ней мы собрали лучшие фото всех присутствующих в комнате (и Сэйди), которые следовало использовать в случае, если кто-то из нас пропадет без вести / умрет/ станет известным преступником. Нашим предкам были выданы строгие инструкции предоставить СМИ именно эти фото, а не другие, и сделать это до того, как журналисты полезут на «Фейсбук» и выберут случайное уродское фото, на котором нас отметили вопреки нашему желанию.

– Но Маз прав, – возразила Ла. – Что за странная девчонка, за которой ты бросился вдогонку? Неужели подумал «уж ей-то не удастся сбежать», а ей удалось?

– Ха-ха. Значит, вы оба все видели? – Я достал из холодильника банку колы и сел за компьютер, где медленно и мучительно, пиксель за пикселем, грузился «Фейсбук». – Ее зовут Грейс Таун. Она новенькая. Хинк предложил ей стать редактором газеты, но она отказалась. Я разозлился и побежал за ней.

– Грейс Таун? То есть серьезно – *Грейстаун*⁶? – воскликнул Мюррей, открыл банку колы и сделал глоток. – О боже, бедняжка.

Лола вскочила.

– Хинк предложил ей стать редактором, а не тебе? Козел! Чтоб я теперь пошла дизайнером в эту тупую газету? Никогда, пока тебя не назначат главным.

– Нет, успокойся. Он предложил место редактора нам обоим, а она отказалась, потому что – цитирую – «больше не пишет». Правда, в ее устах это прозвучало более зловеще.

– Ах так, – выдохнула Лола.

Мюррей дернул ее за руку и усадил на диван.

– Может, когда она пишет, случается что-то плохое? Точно! Что если все, о чем она пишет, сбывается? Или на ней лежит проклятие, и стоит ей написать хоть слово, у нее в ноге ломается кость? Поэтому ей и нужна трость.

– Давайте спросим «Фейсбук», – предложил Мюррей. – Ничто так не проясняет ситуацию, как старый добрый киберсталкинг.

– Уже, – ответил я.

Когда я ввел в поиск имя Грейс и нажал «искать», мне вывалился список всех знакомых Грейс. Первой шла Сэйди Грейс Элизабет Смит, затем Саманта Грейс Лоуренс (вместе учились в младшей школе), Грейс Парк (дальняя родственница) и Грейс Пейн (понятия не имею, кто такая). Под ним шел ряд точных совпадений. В нем значилось около пяти Грейс Таун, ни с одной мы не были взаимными друзьями, и лишь одна жила поблизости.

Я наклонился к экрану:

– Ее здесь нет.

– Подожди, а эта? – Лола указала на экран.

Я нажал на фото профиля Грейс Таун, которая жила в нашем районе: девчонка в красном платье, с накрашенными красной помадой губами и развевающимися медово-золотистыми локонами. Она лучисто улыбалась, нет, смеялась с закрытыми глазами и откинув голову так, что выступали ключицы. Мы узнали ее секунд через десять. Потому что это правда была она. Та же Грейс Таун, с которой мы ехали домой на ее машине. Губы, форма лица – все совпадало.

– Черт, – ахнул Мюррей, – небось парни на нее слетаются как мухи на мед.

– Перевожу: это привлекательная девушка, которая, вероятно, пользуется успехом у противоположного пола, – сказала Лола. – И не только у противоположного, – добавила она минуту

⁶ Город в Австралии.

спустя, приглядевшись к фото повнимательнее. – Черт, чем-то смахивает на Эди Седжвик⁷. Офигенная.

И это была правда. Грейс Таун с «Фейсбука» была высокой, стройной, загорелой, а ее руки и шею хотелось назвать *лебедиными, изящными*. И, *черт, наверное, это старая фотка*, подумал я, но нет. Судя по дате, Грейс загрузила ее всего три месяца назад. Я просмотрел пять других снимков профиля, и на всех она была такой же. Все были сделаны несколько месяцев назад, но эта Грейс существенно отличалась от той, с которой я только что познакомился. Волосы были длиннее, до талии, и падали мягкими аккуратными локонами. На фото она была на пляже, покрашенная и улыбалась так офигенно и сияюще, как улыбаются модели с рекламы, всем видом показывающие, как их прет есть зеленый салат. Не было никакой трости и черных кругов под глазами, и одета она была не в мужские шмотки в несколько слоев.

Что же случилось с ней за эти три месяца, что так изменило и сломало ее?

Сэйди позвала нас из гостиной и попросила помочь папе приготовить ужин до маминого возвращения из галереи (она работала музейным куратором в городе).

– Наконец-то, – выпалил Мюррей, – а то я уже готов вырвать кусок из низко летящей вороны.

Мы быстро позабыли о загадочной Грейс Таун и не вспоминали о ней несколько часов, пока ужинали, мыли посуду и смотрели Netflix, как обычно в четверг. Лишь попрощавшись с друзьями, спустившись в подвал и увидев, что экран бедного аймака все еще мерцает в темноте, я снова подумал о ней. И стоило это сделать, как я пропал.

В тот вечер я не почистил зубы, не принял душ, не сменил школьную одежду и не попрощался с Сэйди и Райаном, когда около двенадцати те наконец ушли. Я завис в подвале и всю ночь слушал Strokes – все песни, что удалось найти на Spotify.

«Говоришь, что хочешь быть со мной, – пел Джулиан Касабланкас, – детка, у тебя не все в порядке с головой».

Будь я старше и умнее, я бы внимательнее слушал рассказы ровесников о душевных муках, которые вызывает первая любовь, и смог точно определить симптомы этой серьезной и тягостной болезни. Но я не слушал и потому ошибочно решил, что ощущение жжения и сдавливания в груди спровоцировано четырьмя пережаренными куриными чимичангами⁸, съеденными за ужином.

В ту ночь мне впервые приснилась Грейс Таун.

⁷ Культовая фигура 1960-х, муза Энди Уорхола и Боба Дилана.

⁸ Чимичанга – блюдо мексиканской кухни, похожее на буррито, только обжаренное во фритюре.

5

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО перед началом уроков я постучался в открытую дверь кабинета мистера Хинка. Тот улыбнулся и пригласил меня войти.

– Я тобой доволен, Генри. Молодец, что уговорил Таун занять место редактора, – с порога заявил он. – Очень мило с твоей стороны. Бедняжке пришлось нелегко в последнее время.

– Погодите, она согласилась? – я обалдел.

– Полчаса назад пришла и заявила, что ты заставил ее передумать. Уж не знаю, что ты ей наговорил, но результат налицо.

Я поднял брови:

– Она сказала, что я заставил ее передумать?

– Вам нужно как можно скорее начать планировать первый номер. Это только кажется, что декабрь далеко, а на самом деле оглянуться не успеете. Вчера на английском я нагнал страху на новичков, так что на первое время добровольцев хватит. В основном это те, кому нужны дополнительные занятия для галочки, так что не гарантирую, что их писанина окажется вменяемой, но что есть, то есть.

– А что вы имели в виду, когда сказали, что Грейс пришлось нелегко?

– Да сам понимаешь: выпускной класс, новая школа. Это всегда тяжело. Ладно, иди-ка лучше обустраивайся в новом кабинете. Таун и Лианг уже там. Ты же знаешь Лианг?

По взгляду Хинка было ясно, что он в курсе того злосчастного поцелуя, после которого Лола Лианг стала навсегда потерянной для мужской половины человечества.

– Угу. – Я откашлялся, вместо того чтобы сделать то, что мне всегда хотелось сделать в таких случаях, а именно – заорать: «Да она всегда была лесбиянкой! Вы биологию в школе вообще изучали?». – Мы с Лолой рядом живем.

– Соседка, значит. Ну да, конечно. Тогда вас и знакомить не надо. Ну, иди, располагайся, а в начале следующей недели проведем собрание и начнем готовить первый номер.

Хинк вернулся к своему компьютеру (интересно, чем он там занимается: смотрит расписание бойцовского клуба, сочиняет хокку?). Вид у него был совершенно беспечный, как будто он вовсе и не огорошил меня новостью про Грейс.

Я на ватных ногах зашагал к маленькому кабинету, который занимала редакция студенческой газеты. Кабинет напоминал аквариум. Параллельная коридору стена была стеклянной, а дверь (тоже стеклянная) не закрывалась, видимо, во избежание диких студенческих оргий, представляющих угрозу для казенной мебели. Впрочем, тактика остекления потерпела полный крах: прошлогодний редактор и его подружка регулярно занимались сексом на диване. К счастью, подозрительные пятна, которыми покрывалась обивка к началу летних каникул, теперь маскировало наброшенное сверху покрывало.

Лола сидела за маком на месте дизайнера, смотрела шмотки в Интернете и сосала леденец, водрузив на стол ноги в тяжелых ботинках. Грейс примостилась за маленькой партой, стоящей вплотную к стеклянной стене, вдали от редакторского стола. Видимо, парту принесли в кабинет только что в связи с внезапно изменившимся решением Грейс.

– Привет, – поздоровался я с порога и, увидев ее, ощутил странное и непривычное волнение.

Один ее вид приводил меня в глубокое смятение, как раскрашенные фотографии времен Гражданской войны или Великой депрессии, глядя на которые вдруг понимаешь, что люди на них настоящие. Только с Грейс все было наоборот: я видел ее цветную версию на «Фейсбуке», а живую она была как выцветшая фотография, трудноуловимая, похожая на привидение и готовая рассыпаться в пыль.

Грейс молча кивнула в знак приветствия.

– Ола, омбре! – Лола помахала мне рукой с леденцом, не отрываясь от экрана.

Я сел за редакторский стол. Включил редакторский компьютер. Вошел в редакторский аккаунт. Позволил себе немного насладиться тем чувством, ради которого два года гнул спину.

Но моя эйфория резко прервалась: Грейс крутанула кресло и повернулась ко мне лицом.

– Значит, так: писать я не буду, ни писем редактора, ни колонок с особым мнением. Хочешь что-то сказать – говори сам. В остальном буду помогать, но не напишу ни слова.

Я покосился на Ла: та усиленно притворялась, что игнорирует наш разговор. Версия с проклятием начала казаться все более правдоподобной.

– Ничего, переживу. Я и сам надеялся не слишком увлекаться писаниной. Хинк сказал, что кое-кто из новичков готов стать волонтером.

– Я с ним говорила. Буду замредактора. Ты столько лет старался, чтобы получить это место. Это твоя газета.

– Окей.

– Хорошо.

– Тогда, э-э-э... наверное, тебе стоит прочесть наш устав, рекомендации авторам и программу. Все сохранено на общем диске. (Мы с Лолой прочли их еще в прошлом году, когда работали в газете волонтерами.) Тебе выдали пароль?

– Хинк дал еще до твоего прихода.

– Тогда можешь начинать.

– Прямо к делу, значит? Мне нравится. – Грейс повернулась на кресле, открыла общую папку, нашла нужные документы и начала читать.

Лола медленно крутанула кресло на триста шестьдесят градусов, картинно расширила глаза и вскинула брови, но я покачал головой, и она со вздохом продолжила выбирать шмотки.

Поскольку тем утром, кроме планирования, заняться было нечем, я поставил свой плейлист из Spotify. Он начинался с «Неу» в исполнении Pixies. «Пытался встретиться с тобой», – заголосил Блэк Фрэнсис. Я сделал громче и начал тихонько подпевать, загружая почту (и думать, что теперь, когда я стал редактором, наверное, стоит пересмотреть «Дьявол носит Prada», так сказать, перенять опыт). И тут краем глаза заметил какое-то движение. Я поднял голову и увидел Грейс Таун, которая беззвучно вторила Блэку одними губами. «А если уйдешь – я точно умру», – рассеянно подпевала она, пролистывая тридцатистраничный документ с уставом и программой студенческой газеты, где перечислялись темы, на которые писать нельзя (секс, наркотики, рок-н-ролл и все то, из чего состоит реальная жизнь подростков).

– Ты знаешь Pixies? – спросил я после первого припева.

Грейс оторвалась от компьютера, взглянула на меня через плечо и ответила не сразу.

– «Мы встретились в очень странный момент моей жизни», – наконец произнесла она.

А когда я не ответил, склонила голову набок и сказала:

– «Бойцовский клуб»? «Where Is My Mind?»

– Ага, понял. Это же один из моих любимых фильмов.

– И моих.

– Правда?

– Ага. А что тебя так удивляет?

– Ну, большинство девчонок...

Тут Лола подняла руку.

– А вот с этого момента, Генри Пейдж, хорошенько подумай, прежде чем продолжать, – сказала она. – Фразы, начинающиеся со слов «большинство девчонок», не предвещают ничего хорошего.

– Точно, – согласилась Грейс.

– Ух, ладно. Я просто хотел сказать, что многие – не большинство, а *многие* – мои знакомые девчонки терпеть не могут «Бойцовский клуб».

– Мне нравится «Бойцовский клуб», сексист хренов, – обиделась Лола.

– Значит, большинству девчонок не нравятся умные фильмы? – спросила Грейс. – Или девчонки, которым все-таки нравится «Бойцовский клуб», – редкий вид, эволюционно превосходящий остальных женщин?

– О боже, я вовсе не то хотел сказать. Просто здешние девчонки... они, наверное, даже не смотрели «Бойцовский клуб», понимаешь, о чем я? Даже не слышали о таком фильме.

– Я девчонка, и я смотрела «Бойцовский клуб», – возразила Лола.

– Видишь? Из двух присутствующих в этом классе девчонок обе – то есть сто процентов – смотрели «Бойцовский клуб». Советую добавить в выборку эти статистические данные.

– Все, я молчу, – сдался я, – а то ляпну очередную патриархальную хрень.

Грейс улыбнулась.

– Генри, мы прикалываемся.

Последовала секунда тишины – со временем такие секунды станут постоянными спутниками наших отношений, – и в это мгновение я спешно придумывал способы продлить разговор, хотя тот уже умер естественной смертью.

– А почему ты передумала? – выпалил я.

Грейс подняла глаза, и остатки улыбки стерлись с ее лица.

– Не знаю, – наконец ответила она.

В тот самый момент раздался звонок на первую пару. И хотя нам не надо было идти на урок – ведь это было время, отведенное под факультатив, – Грейс Таун встала, собрала вещи и ушла.

– Слышала? – спросил я Ла после ее ухода. – Ей нравятся Pixies и «Бойцовский клуб».

– Мне тоже нравятся Pixies и «Бойцовский клуб», ты, гигантский мешок дерьма, – ответила та.

– Да, но ты-то – хитрая лесбиянка, которая целует парней, а потом навсегда портит их мужскую репутацию, заявив о своей ориентации через две недели после поцелуя.

– Кстати, забыла сказать. На днях Мэдисон Карлсон на полном серьезе спрашивала, правда ли, что ты так ужасно целуешься, что девчонки после тебя перестают смотреть на противоположный пол.

– Надеюсь, ты вежливо объяснила ей, что сексуальная ориентация предопределена биологически и ты уже была лесбиянкой, когда мы поцеловались?

– О нет, я сказала, что у тебя кривой пенис и одного взгляда на него хватило, чтобы больше никогда не захотеть видеть пенисы в принципе.

– Спасибо на добром слове.

– Пустяки, – ответила Лола и тоже встала и взяла рюкзак. А на пороге остановилась и взглянула на меня, кивнув в сторону, куда ушла Грейс: – Она мне нравится, Генри. Есть в ней что-то такое... даже не знаю.

Я кивнул и ничего не ответил, но Лола была моей лучшей подругой, мы знали друг друга всю жизнь, и она улыбнулась. Без слов поняла, что означал мой кивок: «Мне тоже она нравится».

6

В ТОТ ДЕНЬ ПОСЛЕ УРОКОВ я вышел из класса со звонком и, запихивая учебники в рюкзак, чуть не столкнулся лбом с Грейс Таун. До меня только потом дошло, что она, наверное, спросила у Лолы, где мой шкафчик. По крайней мере, я ей точно об этом не говорил и не видел, чтобы она общалась с кем-то, кроме мистера Хинка. А ему-то откуда знать?

- Генри, – поздоровалась она.
- Привет, – медленно проговорил я.
- Хочешь, подвезу тебя домой?
- Давай.
- Только тебе опять придется сесть за руль.
- Ох. Ну ладно.

Не говоря больше ни слова, Грейс повернулась и пошла по коридору, не оборачиваясь, чтобы проверить, иду ли я за ней или нет (я-то, конечно, шел). На футбольном поле она ускорила, и ее хромота стала более заметной. Двигалась она как человек, который немного не в себе; больше всего это напоминало походку Грозного Глаза Грюма. Чтобы угнаться за ней, мне приходилось через каждые четыре шага бежать вприпрыжку. У школьного забора я оглянулся и увидел Лолу и Мюррея: те, как всегда, стояли в очереди на автобус, собираясь ко мне домой. Я им помахал. Они подняли правые руки и синхронно помахали мне. К счастью, Грейс Таун ничего не видела.

Мы вышли на улицу. Тишину нарушали лишь звуки моторов и стук трости по асфальту. Наконец Грейс заговорила.

– Так расскажи о себе, Генри Пейдж. (Мне снова показалось, что она на меня злится, как будто я ее чем-то разочаровал.) И не стесняйся. Хочу знать все грязные подробности.

– Ну, я... хм. – У меня вдруг отнялся язык. – Я люблю «пина коладу» и мокнуть под дождем, – неуверенно ответил я.

– Тебе не кажется странным, что, когда тебя просят рассказать о себе, на ум ничего не приходит? Казалось бы, что может быть проще, ведь ты – это ты. Но нет.

– Ага, точно. Наверное, это то же самое, что спросить у человека, прожившего три месяца в Европе: «Ну и как там, в Европе?». Слишком много рассказывать.

– Да уж. Так, может, сузим тему? Можно задать вопрос?

– Валяй.

– Вопрос очень личный, поэтому если не хочешь отвечать, то не надо.

– Э-э-э... ладно, – я приготовился услышать вопрос о своей сексуальной ориентации или о том, почему я ношу папину черную куртку даже в жару. Обычно незнакомых людей именно это интересовало больше всего.

– Какой твой любимый цвет?

Этого я не ожидал.

– Хм...

Вообще-то у меня никогда не было любимого цвета. А может, наоборот, их было слишком много. Как по мне, так все цвета равны и лучшего среди них быть не может.

– Я не ставлю один превыше других. А у тебя?

– Голубой, как платье Алисы из «Алисы в стране чудес».

– Небесно-голубой?

– Нет-нет. Небесно-голубой, младенческий голубой, незабудковый – все это отстойные цвета. А вот цвет платья Алисы идеален.

– А это официально так цвет называется? На палитре красок так и написано?

– Ну, его еще можно назвать цветом голубых ретроавтомобилей 1950-х. Но мой вариант проще. Васильковый мне тоже нравится, но уже с натяжкой.

– Кажется, ты много думала над этим вопросом?

– Мне нравится иметь ответы наготове. Ведь если я не знаю, кто я, как об этом узнают другие?

Я пораскинул мозгами, пытаюсь выудить хоть что-нибудь из чернушной пустоты, в которую превращалась моя голова, когда Грейс Таун находилась в радиусе трех метров.

– Зеленый. Мой любимый цвет – зеленый.

– Ну и скуотища.

– Ладно, светло-кислотно-зеленый. Такого цвета глаза у моей сестры, когда она смотрит на солнце. И у моего племянника такие же. Вот мой любимый цвет.

– Уже лучше.

Пауза.

– Еще что-нибудь спросишь?

– Нет, не думаю.

– Никогда не играл в такие странные двадцать вопросов.

– Это не игра в двадцать вопросов. Я хотела задать только один.

У дома Грейс повторилось то же, что и вчера. Я ждал на лужайке, а она зашла в дом и взяла ключи. Я сел за руль и довез себя до дома, попрощался, а она ушла в противоположном направлении, по дороге, ведущей в никуда. Я зашел домой и тут же пожалел, что не пригласил ее в гости. Но стоило спуститься в подвал, как я вспомнил, почему это не стоило делать.

– Вот сегодня я точно видел, как ты слюни пускал, – заявил Мюррей, хлопнув меня по спине у подножия лестницы. – Закопай меня в грязной канаве, если я неправ.

– Она просто подвезла меня домой, – возразил я.

– Боженьки мои, Пейдж, – проговорила Лола, – у вас явно что-то наклеывается.

Я кинул в угол рюкзак и плюхнулся на диван. Мюррей запрыгнул ко мне на колени, придавив меня своей неприлично тяжелой мышечной массой, обвил мою шею руками и прислонился лбом ко лбу.

– Ты уверен, что между вами ничего нет? Потому что мы шпионили за вами сквозь грязное окно и видели, как вы друг на друга таращились.

– Да остыньте вы оба. – Я попытался спихнуть Мюррея с колен, но мне это не удалось. – Она странная какая-то. По-моему, ей одиноко и у нее нет друзей, а ко мне прицепилась, потому что я отнесся к ней по-доброму.

– По-доброму? – нахмурилась Ла. – Ты гнал за ней по футбольному полю и ругался неприличными словами.

– Ты преувеличиваешь.

– Это ее и пленило – его пылкость, – пояснил Маз и ударил меня кулаком в сердце, потряхнув роскошной шевелюрой. – Его неистовая жажда жизни.

– Ничто ее не пленило. Да я ей даже не нравлюсь. Она так сердито на меня смотрит. И я не знаю, почему.

– А ты пригласи ее с нами потусить в понедельник после школы, – предложила Лола, потирая подбородок. – Затащи в наше логово. Мы уж разберемся.

– Но только если Мюррей не будет дурить. (Маз начал тереться волосами о мое лицо, руки и грудь.) Ты можешь... Мюррей, бу-э-э! Слезь с меня!

– Я помечаю территорию! – заявил он. – Я не могу тебя потерять!

Я взглянул на Лолу:

– Вот почему у меня нет девушки.

Ла покачала головой:

– Не поэтому, поверь.

Я обмяк и разрешил Мазу и дальше мусолить себя своей соленой гривой, уверенный, что если бы Грейс увидела эту хрень, то сбежала бы, не оглянувшись.

И поэтому решил никогда ее сюда не приглашать.

Вечером, когда толпа свалила, я открыл профиль Грейс на «Фейсбуке» и десять минут держал курсор над кнопкой «Добавить в друзья». Потом все-таки зажмурился и нажал. Сердце бешено заколотилось при виде надписи «Запрос на добавление в друзья отправлен», но ждать пришлось всего несколько секунд. Ответ пришел незамедлительно: «Грейс Таун приняла вашу заявку на добавление в друзья. Напишите что-нибудь на ее стене».

Естественно, я бросился рыскать по ее странице, но она вычистила все, кроме тех фото профиля. Никаких обновлений статуса, отметок о передвижениях, событий, комментариев к снимкам. Не считая того, что в друзьях у Грейс Таун числилось 2879 человек (как можно знать столько людей?!), она была интернет-призраком.

Утром после ухода Грейс я написал нескольким PR-агентствам нашего города и спросил, не разрешат ли они кому-нибудь из младших редакторов «Вестланд Пост» (так называлась наша газета еще с 1980-х) взять интервью у одной из отстойных групп, которые они представляли. Одно агентство согласилось, и я решил, что это хороший повод для разговора с Грейс.

ГЕНРИ:

Устроил нам интервью с группой «Месть пластикового степлера» на следующей неделе.

ГРЕЙС:

Потрясающе. Всегда мечтала узнать, что в голове у обиженного степлера. И когда?

ГЕНРИ:

Точно не знаю. Сначала дождемся волонтеров. Спорим, нам в помощники вызовутся минимум двое неграмотных и та бешеная кошка, что живет в потолке над кабинетом директрисы Валентайн? Протестирую их и скажу, годятся ли они для этой работы.

ГРЕЙС:

Отлично. Собирай миньонов. Будут выполнять наши приказы. (Спорим, самой толковой окажется кошка?)

ГЕНРИ:

Мне нравится быть повелителем миньонов.

Так вот, значит, как себя чувствует Ким Чен Ын.

ГРЕЙС:

Главное – промыть им мозги.

ГЕНРИ:

Мы соберем армию.

ГРЕЙС:

Сначала Вестланд-Хай, потом весь мир.

ГЕНРИ:

Слушайте меня, миньоны! Слушать хозяина – хорошо!

ГРЕЙС:

О да.

ГЕНРИ:

А как у тебя вообще дела? Освоилась на новом месте?

Как ребята в твоём классе? Нормальные?

Расстроилась, когда уходила из Ист-Ривер? Или не очень?

ГРЕЙС:

Все мои друзья окончили школу. Поэтому было проще. Но я все равно скучаю.

ГЕНРИ:

Слышал, в Ист-Ривер отвязные чуваки. Это ваши в прошлом году приделали мотор к столу для пикника и ездили на нем по кампусу? А потом их арестовали, да?

ГРЕЙС:

Не люблю эту фразу, но... живешь только раз.

ГЕНРИ:

Пропущу мимо ушей, но только раз.

ГРЕЙС:

Больше не буду. Обещаю.

ГЕНРИ:

Отлично. Рад, что мы договорились.

ГРЕЙС:

(Записывает идеи для постоянной рубрики «Живешь только раз».)

ГЕНРИ:

Если это была ты, так и скажи.

ГРЕЙС:

Нет, не я. Это не в моем стиле.

На этом разговор закончился. Грейс просидела онлайн еще примерно час, но я не знал, что сказать, и больше ничего не писал.

Конечно, если кто-то очень хотел выяснить что-то об ученике соседней школы, для этого существовали разные методы. К примеру, Мэдисон Карлсон заведовала межшкольной сетью

товарного и информационного обмена столь масштабной и запутанной, что Silk Road⁹ по сравнению с ней нервно курили в коридорчике. Бойфренд Мэдисон учился в Ист-Ривер, и это обеспечивало ей полный доступ к подноготной местной элиты (кстати, надо попросить ее вести колонку в газете по типу «Сплетницы»). Беда была в том, что Мэдисон Карлсон не только делилась сплетнями, но и разносила их. И если бы я хоть заикнулся о своем интересе к прошлому Грейс Таун, уже через день вся школа узнала бы, что она мне, возможно, нравится.

Так что пусть лучше пока остается загадкой.

⁹ *Silk Road* – анонимная сеть по продаже товаров, существовавшая в Интернете в 2011–2013 гг.; большинство товаров были нелегальные.

7

С ПОСЛЕДНИМ ЗВОНКОМ в понедельник Грейс уже ждала меня у шкафчика. Я так и не узнал, как ей удавалось столь часто сбегать с последней пары раньше, но с того дня она всегда ждала меня там после уроков.

– Хочешь доехать на машине? – спросила она, всем своим видом и голосом показывая, что совсем не рада меня видеть, словно надеялась, что сегодня меня около моего шкафчика не окажется (ее поведение по-прежнему оставалось для меня загадкой).

– Да, – настороженно ответил я.

И дальше повторялось то же, что в предыдущие дни. Мы шли к ее дому, и по дороге Грейс грозила тростью всем машинам, которые нам сигналили. Потом шла в дом за ключами, а я ждал ее на заросшей лужайке. Она выходила, кидала мне ключи, и я сам вез себя домой. В машине она или смотрела прямо перед собой с каменным лицом и не говорила ни слова, или задавала вопросы. Например:

– Какая у тебя любимая песня?

А я говорил:

– Почему на такие простые вопросы так сложно отвечать?

– Потому что сейчас ты пытаешься вспомнить песню, которая одновременно была бы классной и про которую было бы стыдно сказать, что она твоя любимая. Ей должно быть не меньше двадцати лет, потому что все написанное после этого – отстойная попса.

– Ну все, теперь я знаю, что ты меня оцениваешь, и не смогу ничего выбрать.

– Так в этом вся суть. Когда люди знакомятся ближе, они друг друга оценивают.

– Так, значит, ты меня сейчас оцениваешь?

– Не сейчас, а всегда. А теперь ответь: какая песня вызывает у тебя самые сильные эмоции?

– Ладно. Strokes, «Someday», – ответил я, вспомнив ту ночь, когда заснул под аккомпанемент ее любимой группы.

– Рискованный выбор. Написана меньше двадцати лет назад, но не попсовая ни разу, так что, пожалуй, прокатит.

– А твоя любимая песня? «Stairway to Heaven»? «Smells Like Teen Spirit»? Что-то улетное из классики, да?

– Maroon 5, «She Will Be Loved».

– Э-э-э... такого я не ожидал.

– Что я могу сказать? Слышу эту песню и вспоминаю, что значит быть счастливой.

Ого. Если в ее представлении «She Will Be Loved» – счастливая песня, что же она слушает, когда ей грустно? Похоронный марш?

– А где ты ее слышала? Ее разве крутят на радио? Сейчас кто-то вообще слушает радио?

– Ха-ха.

– Значит, не Strokes?

– Ты о чем?

– The Strokes. Ты вроде тоже их фанатка? (Грейс непонимающе нахмурилась.) У тебя наклейка на машине. И брелок. И заставка на телефоне.

– А, это. Да один приятель фанател от Strokes. Все время их слушал.

– Твой приятель так фанател от Strokes, что ты поместила наклейки на *свою* машину?

– Это его машина. Была.

– А телефон?

– Телефон тоже его.

– Ясно.

Мы вышли из машины, и я вдруг выпалил:

– Зайти не хочешь?

– Зачем? – нахмурилась Грейс.

– Хм. Ну, мы могли бы пообщаться и... все такое. Не знаю. Если хочешь, конечно, – ответил я.

– Я после школы хожу кое-куда.

– А, ну ладно. Я заметил. Тогда до завтра.

Грейс вздохнула.

– Давай здесь встретимся после захода солнца?

– Зачем?

– Ты разве не хочешь пообщаться?

– Э-э-э... ну да, хочу.

– Так давай пообщаемся. Вечером. Я подойду, когда стемнеет. Ты не против?

– Мы будем... э-э-э... делать что-то противозаконное или?.. Просто эти твои «после захода солнца», «когда стемнеет» навевают мысли о сатанинских ритуалах.

Грейс устало улыбнулась:

– До вечера, Генри Пейдж.

А потом повернулась, заковыляла по улице и скрылась за углом.

Я почему-то решил не сообщать обитателям своего подвала, что вечером встречаюсь с Грейс. Что бы ни происходило между нами, пока это было очень хрупким, ранимым, тем, о чем не рассказывают группе людей с целью обсуждения. Хотя на самом деле я просто был уверен, что это ни к чему не приведет, и хотел избежать позора, который стопудово ждал бы меня, расскажи я друзьям, что мне почти нравилась девушка, а оказалось, что я ей совсем не нравлюсь. И я притворился больным. Друзья неохотно ушли к себе домой, к своим семьям, есть свой ужин, вместо того чтобы объедаться у нас на халяву.

Теперь осталось предупредить родителей.

Я в курсе, что большинство тинейджеров обычно ненавидят своих предков или, по крайней мере, считают их отстойными лохами, но я всегда слишком восхищался своими отцом и матерью и не испытывал подобных чувств. У моих родителей была настоящая олдскульная любовь с первого взгляда, как в старых диснеевских мультиках, которые снимали до «Холодного сердца». Они познакомились в KFC (окей, такого в диснеевских мультиках не было, но все же) сразу после школы, когда им обоим было чуть больше двадцати. Отец всегда был ушлым парнем и сделал маме предложение прямо на кассе, а вместо кольца дал ей кусок жареного цыпленка (ну вот, опять не по Диснею).

Вы наверняка читали об этом в книжках – как раньше люди делали друг другу предложение на первом свидании и все такое. И это не басни. У моих предков правда так было. И сработало же. Правда, поженились они только через одиннадцать лет, но с того дня в KFC встречались только друг с другом. Еще не окончив колледж, они смотались на Рождество в Индию, взяв только купальник и плавки и разрисовавшись хной с головы до ног. У меня есть поляроидный снимок, как они кормят слонов манго. Это была реальная любовь. Ведь говорят же, что в KFC что-то подмешивают в курицу.

Но больше всего меня прикалывала не история любви моих предков, романтическая и идеальная до тошноты, а то, что они до сих пор были друг от друга без ума. Мои родители все еще смотрели друг на друга так, как не глядят иные очумевшие от гормонов подростки. И хотя, по идее, это должно было заставить меня блевать, мне нравилось, что они так влюблены.

Когда Садс была маленькой, они хипповали и жили на заброшенном складе – художница и плотник. Для меня они всегда были самыми крутыми предками в мире, с которыми можно говорить о чем угодно. (Возможно, они стали такими потому, что Сэйди в свое время поддала им жару, тем самым выбив из них остатки родительской принципиальности.)

Поэтому когда я сказал вернувшейся из галереи маме (ее зовут Дафна), что сегодня пойду гулять и не знаю, когда вернусь и чем буду заниматься – не исключено, что чем-то противозаконным, хоть и не уверен на сто процентов, – она ответила:

– Ага, приключения? Круто. А я уже начала волноваться. В твоём возрасте Сэйди уже трижды арестовывали, и ты только посмотри на нее сейчас.

– Спасибо, мам. Так и знал, что ты меня поддержишь.

– Во всем, кроме убийства и ввода наркотических веществ через вену.

– О, спасибо, что предупредила, а то я как раз хотел попросить денег на передвижную нарколабораторию. Уже несколько месяцев работаю над этим проектом.

– Без проблем, крошка. Составь бизнес-план, и я взгляну на цифры. А тебе сегодня не понадобится экстренная транспортировка с места преступления?

– Пока не знаю. Попозже скажу, ладно? Вернусь не поздно. Но вы ложитесь, не ждите.

– Если не буду подходить к телефону, просто позвони в полицию – они тебя подбросят. А мы с папой соврем, что весь месяц будем держать тебя под домашним арестом.

– Спасибо, мам.

Она чмокнула меня в лоб.

– Короче, все-таки постарайся ни во что не ввязываться, окей? И, если надо, звони, ладно?

– Будет сделано.

После этого день шел как-то слишком медленно, а потом, за пару минут до заката, резко ускорился. Вдруг стало темно, и вот я уже иду к выходу, кричу предкам «пока» и думаю, что сказать, о чем спросить Грейс, чтобы не молчать. В ее присутствии я почему-то всегда язык проглатываю, а мозг превращается в пустую черную яму, где нормальных мыслей не сыщешь даже с фонариком.

Машина Грейс испарилась, как и в предыдущие два дня, когда я сам себя подвозил. Я встал у почтового ящика и стал ждать, поеживаясь от внезапно похолодавшего вечернего ветра. А минут через пять краем глаза уловил какое-то движение. В конце нашей улицы возникла темная фигура и поманила меня в темноту. С моего места я не видел лица зовущего, только его странно широкие плечи. С таким широкоплечим товарищем не очень хотелось идти в темную подворотню. Я не пошевелился, и тогда он активнее замахал рукой и тростью, и я понял, что это Грейс. Я побежал к ней, застегивая куртку на ходу. Подойдя ближе, увидел, что она опять в мужской одежде, но на этот раз сверху у нее накинута еще футбольная куртка, которая была велика ей на несколько размеров. Она могла бы носить ее как платье. Неужели она съездила домой за курткой и пришла сюда пешком?

– У тебя есть проездной? – спросила она, когда я подошел ближе. Никаких тебе «привет». Она еще ни разу со мной не здоровалась.

– Не взял, извини.

– Ладно. Сегодня я твой спонсор, заплачу за тебя, так и быть.

– А куда едем?

– Увидишь.

– Надеюсь, не за пределы штата?

– Увидишь.

И тут, вместо того чтобы повернуть обратно к дому, Грейс пошла в другую сторону, к высокой траве, туда, где улица заканчивалась.

– Ты серьезно? – спросил я. – Там же канава, слив для дождевой воды.

– Тут можно срезать, – ответила она и ринулась дальше в темноту.

– А ты сможешь там пройти со своей ногой? – крикнул я ей в спину, не зная, политкорректно ли вообще упоминать о ее ноге и показывать, что я заметил ее хромоту. – Там рытвины везде!

– Так быстрее!

Она начала орудовать тростью, распахивая траву, как путешественник, прорубающий себе путь мачете в джунглях. Я шел по тропинке, которую она протоптала, стараясь не отставать и поймать Грейс, если она оступится. Но этого не произошло, хоть хромала она больше обычного.

Мы десять минут шли вдоль канавы и говорили о газете, а потом вышли на главную дорогу, к автобусной остановке. Мы сели и стали ждать автобус в свете флуоресцентной лампы. Я уже думал, что сейчас мы загрузимся в автобус дальнего следования и уедем на другой конец страны, но Грейс остановила автобус, идущий в город. Она заплатила за меня, как обещала, и мы сели на сиденья для инвалидов. «Единственный плюс в жизни калеки», – сказала она.

Город ночью был прекрасен. Я человек гор, лесов и кристально чистых рек, но иногда при виде миллиона сияющих огней в темноте меня пробирает. Может, потому, что они похожи на космос.

Мы вышли из автобуса, и Грейс потащила меня в ближайший супермаркет.

– Надо купить что-то перекусить, – объяснила она. – Я угощаю.

– Ты слишком добра. Продолжай в том же духе, и я сяду тебе на шею.

Я взял себе M&M's и колу. Грейс выбрала пакет чипсов с солью и уксусом (звучит странно, но этот перекус был полностью в ее стиле), энергетический напиток и буханку дешевого белого хлеба. И мы пошли пешком. И шли так долго, что я уже решил, что это и есть наша цель и мы никуда не идем, а просто гуляем. Но Грейс не разрешала мне есть, несмотря на мои протесты.

Наконец мы остановились у высокого чугунного забора с густыми зарослями живой изгороди по ту сторону, и она сказала:

– Тадам!

– Забор. М-м-м... очень красивый забор. Я восхищен работой мастера и все такое, но вижу только забор.

– Нам нужно то, что *за* забором.

– И что там?

– Очень рада, что ты спросил. За этим забором – один из самых охраняемых секретов в этом городе. Ты знал, что до того, как построили метро, через деловой квартал проходила железная дорога?

– Нет, но теперь знаю.

– За этим забором – последняя железнодорожная станция в городе. Ее закрыли лет пятьдесят назад.

– И зачем мы сюда пришли?

С непроницаемым лицом Грейс положила буханку под ноги, переложила трость в правую руку, как копьё, и перебросила ее через забор.

– Упс. Теперь придется лезть туда, – сказала она, поставила здоровую ногу на решетку и подтянулась.

– Что ты делаешь?

– Нарушаю закон. Не видишь, что ли? Пойдем.

– А если кто-нибудь вызовет полицию?

– Скажу, что обманом тебя сюда заманила и заставила совершить преступление.

– Ага. Можно подумать, тебе поверят.

– Да ладно тебе, Генри. У тебя ямочки на щеках и волосы чистые, а я одета и выгляжу как Эйлин Уорнос¹⁰. – Она передохнула, вскарабкавшись на середину забора. – Тебе копы точно поверят. Ты раньше делал что-то противозаконное?

¹⁰ Американская серийная убийца.

- Ну, пару раз перебежал на красный свет.
- Да ты настоящий преступник.
- И по меньшей мере трижды употреблял алкоголь.

Кряхтя и морщась от боли, Грейс перенесла вес на больную ногу и оседлала забор. Она явно делала это раньше.

- Генри!
- Я очень хочу поступить в колледж.
- Лезь сюда.

– Ты же знаешь, что мне удалось прожить почти семнадцать лет и ни разу не поддаться давлению со стороны сверстников? Родители предупреждали об этом еще в начальной школе, но я никогда с этим не сталкивался. И начал уже думать, что это миф.

- Генри Пейдж, лезь сюда.

– И, между прочим, описание очень корректное. В данный момент я отчетливо ощущаю давление со стороны сверстника.

- Генри, давай мне буханку и тащи свой зад сюда ради бога!
- Ладно.

Я кинул буханку через забор, схватился за железные прутья и подтянулся. Это было сложно, потому что я не чувствовал ног – видимо, из-за начинающегося приступа паники.

- О боже мой, о боже мой, о боже мой, – повторял я, карабкаясь наверх.

Грейс прыгнула вниз и скрылась за живой изгородью.

– Меня арестуют. Я никогда не попаду в колледж. Я малолетний нарушитель. Предки меня убьют.

Вскрабавшись наверх, я понял, что спуститься будет довольно сложно, поэтому просто сел на изгородь, а потом скатился вниз. Это было не очень приятно. Я больно ударился о землю, потерял равновесие и в конце концов оказался на четвереньках. Грейс бездушно рассмеялась. Точнее, хрипло закаркала, как ворона.

- Смех злодейки из диснеевского мультика, – заметил я, вставая и отряхиваясь от грязи.
- Грейс загоготала еще громче.

– Предупреждаю, дитя. Выведешь меня из себя – лишишься головы! Ясно? – процитировала Грейс Червонную королеву¹¹. – Мои поздравления, Генри. Теперь ты нарушитель границ частной собственности.

Я оглянулся. Не считая деревьев с облетевшими от холода листьями (а может, они просто давно высохли), за забором оказалось лишь голое поле.

- И где твоя секретная железнодорожная станция?

Грейс указала направление тростью и зашагала впереди.

- Там, внизу.

И она не врал. Секунд через десять из темноты показалось невысокое здание вокзала, освещаемое натриевыми фонарями.

- Похоже на склеп, – заметил я.
- Это и есть склеп, если рассуждать философски. Все старые здания становятся склепами, когда их прекращают использовать по назначению. Это надгробия давно ушедшей эпохи.
- Ты очень странная, Грейс Таун.
- Ага.
- Но мне это нравится.
- Ага.

У здания нас ждали высокие ворота из такого же кованого чугуна с орнаментом, что и забор.

¹¹ Из «Алисы в стране чудес».

– Пойдем, – сказала Грейс. – Пока мы только пробрались на чужую территорию. А сейчас будет взлом и проникновение.

– Грейс, нет, погоди, это же... – начал было я, но она толкнула ворота, и они распахнулись. Она вошла, обернулась и подмигнула.

– Они уже сто лет как не заперты.

Мы прошли по короткому мрачному тоннелю на единственную открытую платформу, которая, как ни странно, освещалась потускневшими натриевыми фонарями. Вопреки моим ожиданиям, станция отлично сохранилась. На стенах почти не было граффити, а рельсы не заросли травой.

– Какой-то незаброшенный вид у этой заброшенной станции, – заметил я.

Высокий сводчатый потолок был сделан из матового стекла, пол – из черных и белых мраморных плит в шахматную клетку, а стены выложены изумрудной и кремовой плиткой.

– Ты уверена, что это не декорации к «Великому Гэтсби»? – спросил я, озираясь по сторонам. Здесь правда было красиво.

– Это историческое здание. Сюда никого не пускают, но за строением ухаживают. Пойдем, ты еще не видел самое главное.

Грейс опустилась на одно колено у двери из резного дерева, окрашенного в красный цвет, и стала ковыряться в замке булавкой.

– Вот теперь это точно взлом и проникновение.

– Знаешь, что самое прикольное в этих исторических зданиях? (Дверь открылась с легким щелчком.) Старинные замки. Взломать замок столетней давности может даже трехлетка.

– Ты в курсе, что я тебя уже немного побаиваюсь?

Грейс проигнорировала мое заявление, включила фонарик в телефоне и шагнула в темноту. Я последовал за ней через несколько пустых залов, в которых стояла крошечная тьма. Мы продвигались все дальше вглубь старого здания и наконец остановились у подножия железной винтовой лестницы, уходившей куда-то вниз.

– Посмотри вверх, – сказала Грейс, и мы начали спуск.

Над головой возвышался еще один стеклянный свод, но одна из панелей разбилась, и сквозь дыру я увидел усеянное звездами ночное небо. Для города редкое зрелище.

Мы не смогли спуститься до конца: подвал был затоплен. Грейс села на вторую ступеньку снизу, сняла ботинки и опустила ноги в воду. Потом оторвала кусочек хлеба от буханки и бросила ее в воду. Та поплавала на поверхности пару секунд, а потом я услышал «бульк», и хлеб ушел под воду.

– Черт, что это было? – выпалил я и поднялся на несколько ступенек вверх.

– Да успокойся ты. Это просто рыбки. Иди сюда. Сиди тихо, и они подплывут.

Все это очень напоминало сцену с мусорным отсеком из «Звездных войн», но я уже зашел слишком далеко, так что пришлось делать, что она говорит. Я спустился вниз. Снял ботинки. Сел рядом с ней – так близко, что, когда кто-то из нас двигался, наши рукава и штанины соприкасались. Опустил ноги в холодную воду. Я сидел очень тихо, молча и смотрел, как Грейс отламывает хлеб и бросает его в воду совсем близко к ногам. Прошло несколько минут, и они приплыли – маленькие, серебристые и юркие, размером примерно с мою ладонь. Они шныряли у наших ног, задевая щиколотки своими гладкими тельцами. Грейс накидала еще хлеба, и рыб стало больше, пока вода вокруг нас не закишела серебром.

– Потрясно, – выпалил я.

Но Грейс шикнула на меня, чтобы я не распугал рыб. Я замолчал и стал просто смотреть на них и на нее. И старался не думать, мягкие ли у нее окажутся губы, если я ее поцелую.

Когда хлеб кончился, Грейс легла на лестницу, закинув руки за голову, и я последовал ее примеру.

– У тебя когда-нибудь была девушка, Генри? – спросила она.

Мое сердце тут же включило режим перегрузки.

– Э-э-э... нет, наверное.

– А почему?

– Я... э-э-э... черт. Не умею я говорить о таких вещах.

– Я заметила. Но почему? Ты же вроде писатель.

– Вот именно, писатель. Я мог бы пойти домой и написать о том, почему у меня никогда не было девушки, и это был бы крутой рассказ. Но вслух совсем не как на бумаге. Устный рассказчик из меня неважный.

– Значит, ты без черновика не можешь? Все фильтруешь, да?

– «Не могу без черновика» звучит тоскливо, но да, пожалуй, ты права.

– Отстой. Когда все пропускаешь через фильтр, теряются живость, правда о том, кто ты есть на самом деле.

– Ну да, наверное, если тебе нужна правда. Но мне трудно донести то, что я хочу сказать, если не запишу это на бумаге.

– А может, попробуешь?

– Как?

– А вот так. Прямо сейчас покажи мне неотредактированный черновик на тему «Почему у меня никогда не было девушки». Чтобы все как на духу.

– Потому что... да много всяких «потому что». Потому что мне семнадцать. Потому что я не против одиночества. Мне оно даже нравится. Вокруг все мучаются, треплют себе нервы и портят жизнь отношениями, и меня это никогда не прельщало. Хочу, чтобы у меня было как у моих предков. Крышесносная любовь.

– Ты понимаешь, сколько всего классного проходит мимо из-за твоих этих заморочек, да? Ты же не знаешь, снесет ли тебе крышу или нет, пока не попробуешь.

– Ну да. То есть... наверное.

– Хорошо хоть, ты это понимаешь. Нормальный черновик, кстати. Теперь можешь отредактировать свой ответ и представить его еще и в письменной форме, если почувствуешь необходимость.

– Непременно. В ближайшие дни пришлю законченное эссе.

– Так, Генри Пейдж, я задала тебе три вопроса. Волшебное число. Теперь твоя очередь.

– А о чем я должен тебя спросить?

– Не спрашивай, о чем спросить, – так смысл игры теряется. Спроси о том, что тебе интересно.

– Что случилось с твоей ногой?

Грейс повернулась ко мне. Нас разделяло всего несколько сантиметров. Я чувствовал на губах ее теплое дыхание.

– Это совсем неинтересная история.

– Почему?

– Потому что ответ никак не характеризует меня как человека. Я вот задаю тебе глубокие вопросы: какой твой любимый цвет, песня, почему ты одинок. А ты спрашиваешь о том, что больше всего бросается в глаза.

– Могу спросить еще что-нибудь.

Грейс посмотрела на звезды.

– Три месяца назад я попала в аварию. В ужасную аварию. Машина семь раз перевернулась. Я месяц пролежала в больнице, мне вставили металлические штыри, делали пересадку кожи. Неделью я пролежала почти без сознания, хотела умереть, лишь бы не чувствовать боль. Потом стало лучше. Научилась заново ходить. У меня ужасные шрамы. Нет, я тебе их не покажу. Достаточно информации?

– Жесть.

– Жесткая жесть. Но в жизни все происходит по какой-то причине, бла-бла-бла и все такое прочее. – Она закатила глаза.

– Не веришь, что всему есть причина?

Грейс фыркнула.

– Посмотри на небо, Генри. Посмотри и скажи честно: ты веришь, что наша жизнь – нечто большее, чем тупая вереница случайностей? Планета образовалась из облака пыли и газа, жизнь возникла в результате химической реакции, а нашим пещерным предкам просто повезло: прежде чем умереть ужасной смертью, они успели заняться сексом. Вселенная – не волшебное место, какой ее любят изображать. Она офигенно прекрасная, но в ней нет волшебства. Только наука.

Я еще немного посмотрел на звезды, думая главным образом о том, как наши пещерные предки занимались сексом.

– А как ты нашла это место?

Грейс села, открыла чипсы и начала есть.

– Давно, еще в детстве, меня сюда друг притащил. Мы были хулиганами и, когда вломились сюда, воображали, что бунтуем против системы. Мы сюда часто приходили и говорили часами. А теперь я прихожу сюда, когда хочу вспомнить, как ничтожна моя жизнь на фоне Вселенной.

– Весело.

– Космос – лучшее из известных мне лекарств от грусти.

– Осознав свою ничтожность во Вселенной, сразу чувствуешь себя счастливым.

– О да. Глядя на звездное небо, я вспоминаю, что я – лишь пепел давно погибших звезд. Человек состоит из атомов, ненадолго объединяющихся в упорядоченную систему, но вскоре рассыпающихся опять. Меня успокаивает ощущение собственной незначительности.

– Да ты не такая, как все, Таун. Разве тебя, как всех нас, не пугает забвение?

– Лучшее, что подарила нам Вселенная, – возможность однажды быть забытыми.

– Да брось. Все хотят, чтобы их помнили.

Она снова легла и стала смотреть на небо. А я вспомнил фразу: «Я слишком любил звезды, чтобы бояться ночи». По спине пробежали мурашки.

– А мне нравится думать, что обо мне забудут, – проговорила она. – Когда мы умрем, вся боль и стыд, которые мы испытывали, все наши горести и мучения превратятся в пыль. Это придает мне смелости: я знаю, что в конце все сотрется и останется чистый лист. Нам достался краткий проблеск сознания, с которым мы можем делать, что хотим, а потом Вселенная опять забирает его себе. Я не верю в Бога, но даже я способна оценить эту высшую справедливость. Нет, меня не пугает забвение – для меня оно почти равноценно полному прощению грехов.

– Ух ты, блин. Неудивительно, что Хинк захотел взять тебя редактором.

– Видишь? Иногда и черновики бывают ничего.

– А пишешь ты, наверное, сумасшедше. Почему перестала?

– Да так. Ничего особенного. Посттравматическое стрессовое расстройство. Тебе будет неинтересно.

Мне хотелось сказать ей: *ты невероятная, странная, конечно, до жути странная, но невероятная* — но вместо этого я спросил:

– А какие грехи могут быть у семнадцатилетней девчонки?

– Ты даже не представляешь. – Грейс села и хитро улыбнулась: – Хочешь, раскрою темный секрет из прошлого?

– О боже, я так и знал. Ты здесь труп спрятала, да? (Она встала, взяла меня за руку и подняла на ноги.) Кого ты уколошила? Бомжа безымянного, да? Учителя из бывшей школы? Поэтому перевелась к нам?

Мы медленно поднимались по спиральной лестнице. Она по-прежнему держала меня за руку. Остановившись на середине, она присела на корточки и показала мне что-то, нацарапанное на металле.

– Видишь, когда-то я была вандалом. – Она отвела руку, и я увидел грубо выцарапанную надпись: *Г. + Д. = НАВСЕГДА*. – Вуаля.

– Твоих рук дело?

– Угу. Мне было лет десять, наверное.

– Грейс Таун. Теперь даже не знаю, что и думать. А кто такой Д.?

– Парень.

– Твой парень?

– Да так, скорее, детская любовь.

– Навсегда? Значит, вы до сих пор вместе?

– Увы, навсегда оказалось короче, чем я думала.

Грейс провела пальцем по надписи, погрузившись в какой-то транс и словно забыв обо мне.

– Мне домой пора, – тихо проговорила она. – Спасибо за компанию. Я раньше все время сюда приходила, но одной совсем не то.

– Конечно. Обращайся. Можем ходить сюда хоть каждый день.

– Завтра увидимся, ладно?

– Ты в порядке?

– Да. Просто... воспоминания нахлынули, знаешь. Мама живет в городе. Наверное, переночую у нее сегодня. Сам доберешься?

– Грейс Таун, в своем ли ты уме? Разве я в мои годы смогу добраться до дома без сопровождения взрослого?

– Значит, доберешься.

Грейс начала подниматься, но через три шага обернулась и взглянула на меня.

– Хорошо, что мы с тобой познакомились, Генри.

– Я тоже так считаю.

Я остался стоять на лестнице, глядя, как она уходит. Свет ее телефонного фонарика потускнел, и в конце концов ее поглотила темнота и не осталось ничего, даже звука. Я был один.

Мои чувства сплелись в тугой клубок. Обычно я хорошо распознаю эмоции: радость, грусть, гнев, смущение – их легко определить и снабдить соответствующим ярлыком. Но это было что-то новое. Какая-то паутина мыслей с отростками во все стороны и полная неразбериха. Чувство огромное, гигантское, как галактика, такое большое и непонятное, что мой бедный маленький мозг взрывался, пытаясь его осмыслить. Узнав, что Млечный Путь состоит из четырехсот миллиардов звезд, думаешь: *о черт, это же до фи́га*, и твой ничтожный человеческий мозг не в состоянии понять, насколько огромно это число, потому что мы сконструированы совсем в другом масштабе. Вот что я чувствовал в тот момент.

Обычно я понимал, что нравлюсь девчонке. Точнее, если девчонка со мной флиртowała, я это знал. Грейс Таун не флиртowała. Я ей не нравился. А если нравился и она со мной флиртowała, то делала это каким-то неизвестным мне способом.

Когда девчонка нравилась мне, я тоже это понимал. Эбигейл Тернер (из детского сада) и Софи Чжоу (из начальной школы) снесли мне крышу. Я все время был как пьяный. С Грейс все было иначе. Я даже не мог сказать наверняка, влечет меня к ней или нет. Не было никакой всепоглощающей страсти. Не хотелось сорвать с нее одежду и поцеловать ее. Меня просто к ней тянуло. Это было как гравитация. Хотелось зайти на ее орбиту и вращаться вокруг нее, как Земля вращается вокруг Солнца.

«Не будь идиотом, Генри, – буркнул я, включил фонарик в телефоне и стал карабкаться по ржавой лестнице навстречу ночному небу, думая об Икаре, о его высокомерии и о том, как

уместна в данном случае эта метафора (я даже гордился, что придумал ее). – Не вздумай в нее влюбиться».

Дома (мама, слава богу, меня подвезла) я открыл заметки в телефоне и написал:

Черновик 2

Потому что я никогда не встречал никого, с кем мне хотелось бы быть.

Кроме тебя.

Для тебя я мог бы сделать исключение.

8

– ЧЭП, – ЗАЯВИЛА ЛОЛА во вторник после школы. Она лежала на моем диване вниз головой, задрав ноги в ботинках на подголовник и свесив голову с сиденья, и скучающе играла в FIFA. – Налицо все признаки ЧЭП.

– Что еще за ЧЭП? – нахмурился Мюррей.

– Чокнутая эльфийская принцесса. Нет, серьезно: она затащила Генри на заброшенную железнодорожную станцию, где живут рыбы, и там болтала с ним о Вселенной! Реальные люди так себя не ведут.

– Ага, – кивнул я, – а она именно так себя и вела. И это было круто.

– Нет, Генри, это не круто. Эльфийские принцессы – опасные твари.

– Слушай, а как вообще рыбы могут жить под землей? – спросил Мюррей.

Стоило мне заикнуться о рыбах, как он с растерянным лицом начал приглаживать свой персиковый пушок и все еще продолжал это делать. Судя по всему, вчера он помыл голову (что случалось крайне редко), и его волосы вернулись к своему естественному состоянию: львиная грива консистенции сахарной ваты. Эта вата окутывала его лицо и плечи и пушилась до такой степени, что ему пришлось одолжить у Ла заколки и заколоть волосы, чтобы не лезли в глаза.

– Там у них закрытая экосистема? Как они вообще туда попали?

– Наверное, это канал, втекающий в ближайший водоем, – решила Лола. – Птицы иногда садятся на воду, и к их лапам цепляются икринки, слышали о таком?

– Думаешь, эти рыбы съедобные? Может, сходим на рыбалку? Генри, не заметил, что это была за рыба? Форель? Лещ?

– Друзья, давайте сосредоточимся, а? Я тут малость в панике.

– Отчего это? – спросил Мюррей.

– Кажется, она мне нравится.

Мне нелегко было в этом признаться. Обычно я ни за что бы никому о таком не рассказал. Может, сейчас меня пробило, потому что этот год был последним годом обучения и моя душа жаждала драмы. Не драмы в смысле «мы с моей девчонкой подхватили трихомонад от другой девчонки, и теперь нас зовут трихомонадной троицей». В другом смысле. Я всегда смотрел драму из-за кулис, слушал рассказы Лолы и Мюррея о потерянной и обретенной любви, но ни разу не был активным участником событий.

И вот впервые в жизни мне захотелось им стать. Я встретил ту, ради которой стоило помучиться.

– Ох ты, – выпалила Лола.

Маз смахнул притворную слезу:

– Как долго я ждал этого чудесного мгновения! Наш маленький спиногрыз наконец стал мужчиной.

– И что мне делать? – спросил я.

– А ты ей нравишься? Ты как сам, чувствуешь, что между вами что-то есть? – спросила Лола.

– Она отвела меня к секретному пруду с рыбками, где мы говорили о смерти. Думаешь, это похоже на проявление чувств?

– Не факт. Если она эльфийская принцесса, то, скорее всего, водит туда каждого.

– Никакая она не принцесса, ясно? Будь так, она ходила бы в платьях и с челкой. А еще бы ездила на голландском велике с багетами в корзинке и все время улыбалась. Нет, эта девчонка не с милыми странностями, она реально не в себе. Мне даже кажется, что у нее депрессия.

– Да успокойся ты. Я не хотела тебя обидеть.

Я не стал делиться с Ла другими наблюдениями: например, не упомянул, что тем утром Грейс пришла в школу в той же одежде, что была на ней накануне, с гнездом на голове и глазами, распухшими и красными от бессонницы. Ни одна эльфийская принцесса не станет врать, что в городе у нее живет мама, а на самом деле ночевать на улице.

Мюррей хлопнул меня по плечу:

– Слушай, чувак. Ты, главное, не спеши. Тебе дается один шанс. Лоханешься – и будешь мучиться всю жизнь. Не гони лошадей. Вы всего неделю знакомы. Оцени ситуацию. Присмотрись к ней. Узнай ее получше, прежде чем нырять башкой вперед. Сечешь, о чем я?

– Странно, но это самая мудрая вещь, которую я от тебя слышала, – заметила Лола.

– Как говорят в наших краях, в жаркий день только дурак пытается толкать дерьмо в гору резиновой вилкой.

– Так реально говорят в Австралии или ты сам это придумал? – не сдержался я.

– Эти поговорки у нас в генах, – улыбнулся Маз. – Мы с ними рождаемся.

– А это ее «я хожу кое-куда после школы» – что это значит вообще? – спросила Лола.

Я пожал плечами:

– Без понятия. Она выходит из машины, сворачивает за угол и исчезает. А через два-три часа исчезает и машина. То ли она ее забирает, то ли кто-то другой.

– Таинственная хрень какая-то, – задумался Мюррей.

– В Грейс Таун все таинственно, загадочно и странно, – подметил я.

– Мы могли бы разгадать эту загадку. Я не Мэдисон Карлсон, но надо попробовать.

– Можно за ней проследить, – медленно проговорила Ла, – посмотреть, куда она ходит.

– Как в «Пятидесяти оттенках серого»? – спросил я.

– Да нет же. В смысле ты не будешь нюхать ее волосы, пока она спит. Просто посидим у нее на хвосте минут пять и выясним, где она бывает. Может, у нее в той стороне парень живет.

Мюррей произнес «парень» с таким выражением, будто знал, что любое упоминание о возможном сопернике заставит меня согласиться. Он не ошибся.

– Семнадцать лет прожил без давления со стороны сверстников, и тут – зацените – второй раз за два дня. Ладно, ваша взяла. Будем маньячить.

Маз захлопал в ладоши:

– Значит, решено. Завтра после школы припаркуемся у твоего дома и подготовимся к секретной операции.

– Но права есть только у меня, – заметил я, – а я лично намерен прятаться под задним сиденьем. Кто же из вас, кретинов, поведет?

– Не переживай, – Лола разблокировала телефон, – я кое-что придумала.

– Поверить не могу, что вы меня на это подбили, – прошипела Сэйди с места водителя.

Я сполз на пол и забился под заднее сиденье ее джипа. Лола с Мюрреем уже сидели пристегнутые.

– Мне двадцать девять лет, я нейробиолог и помогаю, нет, соучаствую в слежке за девочкой-инвалидом по подстрекательству своего малолетнего брата-хулигана. Что со мной не так?

– Маз, что это за ботинки – сапоги со шпорами? – спросил я Мюррея.

Он захлопнул дверь, а я попытался устроиться удобнее в его ногах, что было сложно сделать, так как его ботинки грозились проткнуть мне почку.

– Обычные бутсы, братан, не суетись. Кончай ломать комедию и садись рядом.

– Нет! Я должен сохранить анонимность. Ла, ты бы села назад, а то Грейс тебя увидит.

– Нет уж, не хочу пропустить самое интересное, – ответила Лола.

Я ворочался, но никак не мог найти положение, в котором мои внутренности чувствовали бы себя в безопасности.

– Блин, Сэйди, поехали уже!

– Терпение, Джон Хинкли-младший 2.0¹², не забывай, что мы следим за девушкой, которая ходит с тростью, – пробормотала Сэйди, завела мотор и медленно выехала на дорогу.

Я смирился, что придется терпеть неудобное положение всю дорогу, и прилег щекой на грязный коврик для ног.

– Вообще-то, в ближайшее время я не планирую стрелять в президента, честно.

– Слова, слова. Ты только попробуй забронировать билет в Вашингтон или посмотреть фильм с Джоди Фостер – сразу сдадим тебя в АНБ.

Тут машина медленно остановилась.

– Что случилось? – спросил я. – Вы ее видите?

– Ага, она прямо перед нами. Только что нарвала цветов в чьем-то саду. Ох уж мне эти принцессы эльфийские. – Я фактически услышал, как Лола покачала головой. – Не волнуйся, мы ее не потеряем.

– Меня больше волнует, что она нас заметит.

– Если нас заметут, скажем, что Сэйди помешалась на Грейс и потащила нас с собой, чтобы принести всех в жертву сатане.

– Ха-ха-ха, – процедила Садс. – Ненавижу вас, маленькие извращенцы.

– Сатанистка так и сказала бы. Часто вызываешь рогатого или так, по случаю?

Сэйди вздохнула. Лоле шевелюру. Та рассмеялась и стала отбиваться.

– Черт, она решила срезать, – заметил Мюррей. – Куда ведет этот переулок?

– В конце него кладбище, – ответила Сэйди.

Мюррей ткнул меня под ребра.

– Блин, так и знал! Каждый день мотаться на кладбище?! Классика жанра. Будем делать ставки, кто она: вампир, привидение? А может, одна из этих новых зомби, умеющих любить?

– Десять баксов на падшего ангела, – сказала Сэйди. – Они сейчас в тренде.

– А можно я буду оригинальной? Сколько дашь за русалку? – спросила Лола.

– Русалки не живут на кладбищах, балда.

– Ладно. Значит, демон-русалка из ада. Бродит по кладбищенскому болоту, затопленному после дождя. Какие у меня шансы?

– Тысяча к одному.

– Отлично. Ставлю десятку. Уже чувствую запах долларовых купюр.

– А ты, герой-любownik? – Мюррей наклонился ко мне. – Как думаешь, кто твоя девчонка: ведьма, пришелец, оборотень, бешеная коала-оборотень?

– Что за бешеная коала-оборотень? – встрепелась Лола.

– В наших краях от них спасу нет. Сидней кишит бешеными коалами-оборотнями. Они нападают на всех, кто не мазал уши веджемайтом¹³. Сколько славных парней и девчонок поглегло от этих тварей, не счесть. Настоящее бедствие.

Я высунулся из своего укрытия:

– А давайте вы заткнетесь и вспомните, что у нас тут, между прочим, важная разведывательная миссия, она же слежка! Садс, поезжай в конец Бошамп-роуд – подловим ее с другой стороны.

– Сама знаю, дурилка, – ответила Сэйди, и я почувствовал, как автомобиль описывает широкую дугу и заворачивает в переулок с подходящим, но неоригинальным названием Кладбищенский проезд.

– Ну вот, приехали, – брякнула Лола. – Самое убойное местечко в городе.

– Слышал, некоторые готовы копыта откинуть, чтобы сюда попасть, – заметил Мюррей.

– А стоит ли? – ответил я. – Говорят, по ночам тут совсем тихо, никакого веселья.

¹² Психически больной преступник, покушавшийся на Рональда Рейгана в 1981 году. Был помешан на Джоди Фостер.

¹³ Национальный австралийский деликатес, овощная паста.

– Вот она, – Лола хлопнула меня по плечу. – Генри, вылезай! Она далеко и нас не заметит.

Мюррей дернул меня за воротник куртки, и, с трудом и пыхтением раскрутившись из своей скрюченной позы, я наконец уселся рядом с ним. Грейс шла вдоль рядов надгробий чуть вдали, сжав в левой руке пестрый букет садовых цветов. Она сняла свою вязаную шапку, и волосы разметались на ветру, засияли на солнце и стали цвета топленого молока. Она остановилась, убрала за ухо мешавшую прядь и опустилась на колени у могилы, украшенной сотнями цветов разной степени увядания. А потом легла на живот на траву, положила голову на руку и стала крутить травинки в пальцах, болтая ногами. Даже с такого расстояния я видел, что ее губы шевелятся. Грейс говорила, а может, даже пела кому-то невидимому, кто лежал под землей.

Целую минуту мы сидели как завороченные, пришибленные тишиной, которая возникает, когда нечаянно становишься свидетелем чего-то глубоко личного, не имеющего к тебе никакого отношения. Потом Сэиди покачала головой и завела мотор.

– Не должны мы были это видеть, Генри. Нас сюда не звали.

Я кивнул.

– Отвези нас домой, Садс.

Весь день я сидел на подоконнике, читал книжку и смотрел, как надвигается гроза. Я хотел узнать тайну загадочной исчезающей машины. И лишь после заката, когда небо порезала молния, перед домом остановился автомобиль. Пассажирская дверь открылась, из машины вышел невысокий лысый парень и побежал под дождем к «хендай» Грейс. Открыв дверь, он поднял голову, заметил, что я смотрю на него в окно, и помахал мне рукой. Я тоже ему помахал. Он кивнул, сел в машину, развернулся и уехал под проливным дождем. В темноте тормозные огни горели, как красные глаза дьявола.

9

ПОСКОЛЬКУ Я НИКАК НЕ МОГ заговорить с Грейс о кладбище и не раскрыть, что мы за ней следили, как любой разумный, логичный, психически здоровый человек я решил просто забыть все, что видел. Зато я последовал совету Мюррея узнать ее получше, но это оказалось проще сказать, чем сделать, потому что Грейс Таун, без преувеличения, была самым странным человеком из живущих на Земле.

Следующую пару недель мы каждый день сидели вместе за ланчем – иногда с моими друзьями, иногда (когда мне казалось, что она не хочет быть в компании) вдвоем. Этот новый ритуал начался так же неожиданно, как наши поездки до моего дома на ее машине: на следующий день после инцидента с кладбищем Грейс материализовалась за нашим столиком в столовой и спросила, можно ли сесть с нами.

«Вампириша», – прошептал Мюррей, когда Грейс присела рядом с Лолой. Я пнул его под столом.

Мюррей рассказал мне кое-что о языке жестов, и я стал обращать внимание на то, как Грейс со мной держится. Меня к ней тянуло – я наклонялся через стол, а когда клал ногу на ногу, верхняя нога смотрела в ее сторону. Но Грейс никогда не зеркалила меня. Она сидела прямо или ссутулившись, а ее нога всегда от меня отворачивалась.

Редакторы школьной газеты должны были выпускать четыре номера в год – по одному в начале каждой четверти. Этой осенью номер выпустил бывший главный редактор Кайл (тот самый, что испачкал диван). А последний номер, который предстояло подготовить нам с Грейс, должен был выйти уже осенью, после нашего выпуска. Он должен стать нашим наследием и вместить в себя крупницы мудрости, которыми мы хотим поделиться с будущими выпускниками.

В газете освещались важные события прошедшей четверти, но, кроме того, у каждого номера была тема – как правило, вариация одного из четырех ванильно-карамельных школьных лозунгов: «Дружба!», «Светлое будущее!», «Толерантность!», «Гармония!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.